

ИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ *

Проф. Ф. Нотович

Безусловная оккупация и аннексия Австрии в марте 1938 г., независимость которой была гарантирована мирными договорами 1919—1920 гг. и рядом специальных договоров и протоколов, заключённых в разное время между Австрией и Италией, Францией и Италией, Австрией и Германией в 1936 г., с одной стороны, и договорами об образовании Малой Антанты — с другой, предвещали такую же участь Чехословакии.

Аннексия Австрии совершенно изменила стратегическую и политическую обстановку в Центральной и Юговосточной Европе. Германия сделалась соседом Италии, Югославии и Венгрии и охватила с трёх сторон Чехословакию. Она приблизилась к Балканскому полуострову и получила возможность оказывать политическое давление на государство Дунайского бассейна, где германское экономическое влияние уже и до того было преобладающим. Насилие над Австрией расшатало устойчивость Малой Антанты, оно усилило профашистские и фашистские элементы во всех придунайских странах и реваншистские вождедения в Венгрии и Болгарии и внушило смертельный страх господствующим кругам в странах Малой Антанты, что нашло политическое выражение в стремлении Румынии и Югославии снискать благоволение фашистской Германии покорностью и экономическими уступками, с одной стороны, и в фактическом «самороспуске» Малой Антанты — с другой. В Югославии регент Павел и реакционное правительство Стоядиновича, которые уже с 1935 г. проводили профашистскую политику, окончательно подпали под влияние Германии; Румыния вынуждена была отказаться от ориентации на Францию и Англию, а Чехословакия потеряла двух своих союзниц. Все эти политические изменения в Центральной и Юговосточной Европе подорвали основы политического и экономического влияния Англии и Франции в этих районах Европы и ослабили их стратегическое положение на Адриатике.

Политика непротivления фашистской агрессии в Центральной Европе, проводившаяся Англией и Францией, привела к тем

же плачевным результатам, что и «политика невмешательства» в испанские дела. Фашистские Германия и Италия укрепляли и расширяли свои стратегические, политические и экономические позиции в Центральной и Юговосточной Европе и в восточной и западной частях Средиземного моря в ущерб Англии и Франции.

Последовательно проводившаяся с 1935 г. правящими кругами западных демократических держав политика потворства агрессорам поставила под угрозу независимость и существование малых народов в Европе и ускорила мировое вооружённое столкновение. После захвата Германией Австрии лидер лейбористской партии Эттли с полным основанием обвинил Чемберлена в том, что его реакционная внешняя политика приблизила мировую войну. «Сейчас, — сказал Эттли, — поставлено на карту не только свободное существование народов Испании и Чехословакии, но и всеобщий мир и безопасность нашей страны».

Лишь советское правительство не признало акта грубого насилия над Австрией и выступило с определённой программой обуздания агрессора. Сейчас же после аннексии Австрии оно официально предложило всем правительствам предпринять коллективные действия против нарушителей мира. Советское правительство квалифицировало действия Германии как «международное преступление» и выразило готовность «принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору, даже пренебрегая неизбежным ухудшением его отношений с агрессором». Это предложение было публично повторено 17 марта 1938 г. народным комиссаром иностранных дел СССР Литвиновым на приёме советских и иностранных журналистов¹. Однако это предложение, так же как и предыдущие, переданные заинтересованным государствам дипломатическим путём, не было ими принято.

Вест о захвате Австрии вызвала во всём мире взрыв негодования против фашистской Германии. Английское общественное мнение и парламентская оппозиция обвиняли правительство Чемберлена в том, что его политика уступок агрессорам, пренебрежение к Лиге наций и отказ объединить миролюбив-

* Настоящая статья подготовлена задолго до открытия процесса главных немецких военных преступников в Нюрнберге. Поэтому автор не мог использовать в статье разоблачения, сделанные на процессе.

¹ «Правда» от 18 марта 1938 года.

вые державы для организации коллективной безопасности уже привели к захвату Абиссинии и Австрии, отторжению Японией от Китая больших территорий, итало-германской интервенции в Испании и угрожают теперь независимости Чехословакии.

Требования парламентской оппозиции — лейбористов, либералов и части консерваторов (во время дебатов в парламенте 14 марта 1938 г.) — изменить линию внешней политики правительства, сблизиться со всеми государствами, которые хотят защищать мир против его нарушителей; требование Черчилля заключить военную конвенцию с миролюбивыми державами и выработать общий план отпора агрессорам были отвергнуты правительством Чемберлена с довольно вздорной и позанимыванной в арсенале германской фашистской пропаганды мотивировкой. Закрывая дебаты в палате общин, канцлер казначейства Джон Саймон заявил от имени правительства, что принятие предложения Черчилля означало бы разделение государств на враждебные блоки держав, которые явились причиной войны 1914 года¹.

Отказываясь от политики коллективной безопасности, коллективного отпора агрессорам под видом «невмешательства», «нейтралитета» и «умиротворения», правительство Чемберлена тем самым проводило политику попустительства агрессии, усиления агрессоров, натравливания агрессоров на Советский Союз. Такой же была и политика правительства Даладье во Франции. После трагической смерти Барту в 1934 г. французское правительство отказалось от независимой внешней политики и во всем следовало за Англией.

В день вторжения германских войск в Австрию, 11 марта 1938 г., фельдмаршал Геринг по поручению Гитлера дал заверение чехословацкому посланнику в Берлине Мاستный в том, что «Германия не имеет недобрых намерений по отношению к Чехословакии». Это же заверение было повторено тому же посланнику 12 марта Герингом и министром иностранных дел фон Нейратом, оно было доведено также до сведения английского правительства² и, таким образом, получило значение международно-обязательства.

Как показали последующие события, это были лживые дипломатические трюки гитлеровского правительства, которые служили

маскировкой его истинных, захватнических планов.

Отражая настроения чешского народа и правительства, официоз чехословацкого министерства иностранных дел «Prager Presse» писал в передовой 13 марта в связи с новой политической обстановкой в Центральной Европе: «Перед лицом австрийских событий Чехословакия будет спокойно, но с тем большей решимостью охранять и защищать свою собственную суверенность, независимость и безопасность. Она в состоянии сохранить полное спокойствие, тем более, что положение её совершенно иное, чем положение Австрии, ибо безопасность её и неприкосновенность её границ гарантированы союзными договорами, и сама Германия сознаёт это положение Чехословакии и не пропустила момента, чтобы неоднократно подчеркнуть эту точку зрения»³.

Позиция правительства Чемберлена во время прений в парламенте показала Гитлеру, что он и дальше может действовать столь же безнаказанно, как в вопросе об Австрии, что со стороны Англии, а это значит и со стороны Франции, его агрессия не встретит сопротивления. Судьба Чехословакии, по существу, была предопределена 14 марта — исходом прений в английском парламенте по австрийскому вопросу. Ещё не успело утихнуть возбуждение в Европе по поводу аннексии Австрии, как Германия уже поставила на повестку дня судетский вопрос в Чехословакии. Немецко-фашистская печать начала измышлять всякие «ужасы» и «издевательства», которым якобы подвергаются немцы со стороны чехословацких властей.

На состоявшемся 24 апреля 1938 г. в Карлсбаде съезде судетско-немецкой (фашистской) партии Гейнлейна, по указке из Берлина, была принята так называемая карлсбадская программа, суть которой состояла в требовании предоставить Судетской области территориальную и административную автономию в пределах Чехословакии и в изменении внешней политики Чехословакии в смысле её ориентации на Германию⁴. Как показали дальнейшие события, эта программа была лишь средством для начала открытой борьбы. Настоящей же программой гейнлейновцев и стоящей за их спиной Германии была программа расчленения Чехословакии и, в конце концов, захват её Германией.

Германская печать поддержала требования карлсбадской программы и начала распространять сказки о чехословацких «зверствах». Происходившие в мае муниципальные выборы явились своего рода референдумом. Чехословацкий народ высказал свою готовность грудью отстаивать целостность родины. Германское правительство стало угрожать и производить передвижения войск на чехословацкой границе. Чехословакия приняла со своей стороны военные меры предосторожности. К концу мая поло-

¹ «Manchester Guardian» N. 28544, March 25, 1938, p. 14; «Prager Presse», 26 März 1938.

² Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques 1938—1939. Pièces relatives aux événements et aux négociations qui ont précédé l'ouverture des hostilités entre l'Allemagne d'une part, la Pologne, la Grande-Bretagne et la France d'autre part. Paris. Imprimerie nationale. 1939, N. 3 et 4. Ниже этот источник будет обозначаться кратко: «Livre jaune», 1939.

³ «Prager Presse», 13 März 1938.

⁴ «Prager Presse», 25 April 1938.

жение очень обострилось. Именно в это время, как разоблачила позже «Deutsche Allgemeine Zeitung», «в решающих британских инстанциях было вынесено секретное решение об отделении от Чехословакии её национальных меньшинств», о чём тогда же, по утверждению фашистской газеты, высказалась в этом духе «весьма высокая британская инстанция».

7 июня Гейнлейн предъявил чехословацкому правительству требования, сходные с карлсбадскими пунктами. Чехословацкое правительство согласилось на переговоры с гейнлейновцами, но последние, по приказу из Берлина, постепенно повышали свои требования. В конце концов они потребовали выделения Судетской области из состава Чехословакии.

Чехословацкое правительство выработало законопроект по урегулированию прав национальных меньшинств и намеревалось провести его через парламент. В этот момент гейнлейновцы получили неожиданную политическую поддержку. Английское правительство послало в Прагу особую миссию во главе с лордом Ренсимоном для «изучения» вопроса на месте и выполнения функции «посредника» в переговорах между чехословацким правительством и партий Гейнлейна. Это было не только грубое вмешательство во внутренние дела Чехословакии, хотя и прикрытое получением на это согласия правительства, но одновременно и признание партии Гейнлейна «равноправной» стороной с правительством суверенного государства. Чехословацкое правительство вынуждено было безропотно сносить «посредничество» лорда Ренсимена, когда оно вскоре убедилось, что и французское правительство поддерживает чемберленовскую политику «умиротворения» за счёт жизненных интересов чехословацкого народа.

Газета «Times», выражая настроения реакционных руководящих кругов Лондона, пугала Чехословакию тем, что могут возникнуть нежелательные последствия, «если чехословацкое правительство опубликует и попытается провести через парламент неприемлемый для судетских немцев закон о национальных меньшинствах».

Опираясь на политическую и моральную поддержку правительства Чемберлена и реакционной клайвденской клики¹ и на всю мощь фашистской Германии, судетско-немецкая партия Гейнлейна затягивала переговоры, угрожала правительству их разрывом, провоцировала инциденты в разных местах Судетской области, которые затем безмерно раздувались в судетско-немецкой и германской печати и изображались как

«царство марксистского террора» против немецкого национального меньшинства. Гейнлейновская партия дошла до такой дерзости, что выпустила в середине августа воззвание к своим приверженцам с призывом обращаться к оружию, когда будет угрожать опасность их личности и имуществу. Этот призыв к гражданской войне являлся своеобразным давлением на чехословацкое правительство и на миссию лорда Ренсимена. Имея определённые директивы из Берлина, гейнлейновцы не разрывали переговоров, но затягивали их до бесконечности и не связывали себе руки никакими обещаниями и соглашениями. А одновременно под прикрытием «переговоров» судетская фашистская партия запасалась оружием, которое она получала в изобилии из Германии, и готовилась к вооружённому мятежу.

К концу августа руководящие круги Англичей, наконец, пришли к убеждению, что конфликт между судетскими немцами и чехословацким правительством мог бы быть уже урегулирован на основе предложений Бенеша, если бы судетские немцы были вольны решать, согласно своим интересам, и на них не оказывали влияние извне. Не сущность разногласий между чехами и судетскими немцами, а агрессивная политика Германии против Чехословакии была причиной сильного возбуждения в Центральной Европе и угрожала нарушить мир. Английская печать громко выражала своё недовольство политикой правительства Чемберлена, а оппозиция резко критиковала занятую Чемберленом позицию в чехословацком вопросе. Это обстоятельство и ряд других тревожных моментов заставили руководящую тройку английского кабинета (Чемберлен, Галифакс, Саймон) прервать каникулы и устроить два специальных заседания правительства, на которых была уточнена политическая линия Великобритании в чехословацком вопросе. Из Праги в Лондон был срочно вызван член миссии Ренсимена для доклада о состоянии и перспективах переговоров партии Гейнлейна с чехословацким правительством. На чрезвычайных заседаниях совета министров 24 и 25 августа решено было поручить Джону Саймону выступить 27 августа в Ланарке с большой политической речью и в ней изложить отношение английского правительства к проблемам Центральной Европы и, в частности, к Чехословакии.

Английская печать придавала большое значение выступлению Саймона в Ланарке и утверждала, что оно будет предупреждением по адресу Германии. Газета «Evening Standard» даже писала, что «декларация канцлера казначейства будет такой же знаменательной, как историческое предупреждение, брошенное также канцлером казначейства Ллойд Джорджем в Мейшен Хаузе во время агадирского кризиса»².

В результате переговоров Ренсимена с руководством гейнлейновской партии, с одной стороны, и с чехословацким правитель-

² «Temps» N. 28108, le 27 août 1938.

¹ К клайвденской клике принадлежали в то время майор Астор, собственник газет «Times» и «Observer», лорд Астор, леди Астор, лорд Лондондери, Ноэль Бекстон, главный редактор «Observer» Гарвин, некоторые участники англо-германского сотрудничества, председатель имперской химической компании лорд Лек Гоуэн, лорд Редсдел, лорд Майит Тампл и др.

ством — с другой, наметились некоторые признаки урегулирования вопроса. Чехословацкое правительство объявило 20 августа, что в ближайшее время будут назначены немцы на руководящие посты в разных министерствах в столице и на местах в Судетской области¹.

Официальное коммюнике чехословацкого правительства характеризовало создавшееся положение как «момент поисков новой базы для переговоров» и вместе с тем заявляло, что правительство намерено радикально разрешить судетский вопрос в форме предоставления действенной защиты интересов немецкого меньшинства в рамках чехословацкого государства².

В интервью, данном премьер-министром Годжа корреспонденту газеты «Daily Telegraph and Morning Post» 25 августа, говорилось, что чехословацкое правительство готово предложить для переговоров новую основу, которая явится приемлемой для обеих сторон компромиссом. Далее, он заявил, что немцы получают фактическое самоуправление, «которое не намного будет отличаться от их собственных притязаний на власть и на расширение власти».

Касаясь формы предстоящего соглашения на «третьей основе», Годжа сказал, что новый компромисс «позволит сохранить единство, целостность и устойчивость нашего государства и делает его в эти беспокойные времена действенным и решающим элементом в европейском равновесии».

Говоря об оказывавшемся на партию Гейнлейпа давлении из Германии, Годжа сказал: «Если бы это был только вопрос нашей внутренней политики, не затрагиваемый внешними влияниями и интересами, то наша проблема могла бы быть очень скоро и абсолютно справедливо разрешена... Но мы хорошо знаем, что наша проблема представляет неделимую составную часть общеевропейской, даже мировой проблемы мира и примирения и что международное значение достижения компромисса требует от нас особого поведения»³.

Гейнлейповцы, исполняя волю Гитлера, отклонили и это предложение чехословацкого правительства, но переговоры не прервали. Используя спровоцированные немецко-судетскими фашистами незначительные местные инциденты, руководство этой партии предложило своим членам при всех столкновениях с чехами прибегать к оружию⁴.

В большой речи в Ланарке Саймон определил английскую внешнюю политику как «положительную и миролюбивую» по отношению ко всем государствам независимо от их социально-политического режима. Перейдя к чехословацкой проблеме, он заявил, что точку зрения английского правительства

по этому вопросу исчерпывающе высказал Чемберлен в своей декларации 24 марта 1938 года⁵. «Эта декларация действительна и сейчас. К её содержанию нечего ни прибавлять, ни изменять»⁶. В Берлине её истолковали таким образом, что Англия не будет препятствовать Германии проделать с Чехословакией то же самое, что она уже сделала с Австрией. А во Франции после повторения Саймоном этой декларации гитлеровская агентура открыла яростную кампанию за разрыв франко-чешского союза.

В тот день, когда Саймон выступал в Ланарке, Черчилль выступил в Эссексе с речью, в которой выразил чувства опасения и тревоги критически настроенных людей по отношению к «миротворческой» деятельности правительства, объективно помогавшей торжеству агрессивных сил. Черчилль заявил, что имеются «сторонние силы», которые мешают разрешению судетского вопроса «в пределах чехословацкой целостности», и призвал Европу и весь мир не допустить расчленения Чехословакии, так как в этом случае Европа должна будет считаться «с внезапным диким и беспощадным нападением национал-социалистской Германии» на маленькую, беззащитную нацию, которую Германия хочет себе покорить. «Такое нападение, — говорил Черчилль, — явится не только простым нападением на Чехословакию, оно будет представлять собой преступление против цивилизации и свободы всего мира. Каждая страна должна будет себя спросить: кто явится очередной жертвой?»

Черчилль, подобно Саймону, считал, что война не обязательно неизбежна, но в отличие от Саймона он полагал, что она будет угрожать миру до тех пор, пока Германия находится в постоянном мобилизационном состоянии. В заключение Черчилль призвал Гитлера, от которого сейчас зависят, сказал он, «наш страх и надежда», к разуму и просил его «не навлекать на германский народ

⁵ «Manchester Guardian» N. 28686, 29 August 1938, p. 12.

⁶ В этой декларации, зачитанной Чемберленом в палате общин, говорилось, что Англия имеет в первую очередь обязательства по отношению к Франции и Бельгии против неспровоцированного на них нападения. Относительно Чехословакии в декларации говорилось: «Английское правительство не может принять заранее такого решения, которое ограничивало бы его свободу действий, особенно в районе, где его жизненные интересы не задеваются в такой же степени, как они задеваются во Франции и Бельгии». В декларации, далее, говорилось: «Неумолимый ход событий может оказаться гораздо сильнее, чем формальные декларации, и в этом случае очень вероятно, что другие страны, помимо тех, которые были участниками первоначальной распри, могут быть немедленно втянуты» («Manchester Guardian» N. 28553. March 1938, p. 14). Эта фраза должна была прикрыть отмежевание от Чехословакии, именно так она была всюду понята.

¹ «Prager Presse», 20 August 1938.

² «Prager Presse», 21 August 1938.

³ «Daily Telegraph and Morning Post», 26 August 1938; «Prager Presse», 27 August 1938.

⁴ «Temps», N. 28109, le 28 août 1938.

проклятие войны, которая, без сомнения, будет мировой войной»¹.

Военные приготовления Германии заставили французское правительство 27 августа призвать некоторые категории резервистов. 28 августа английское правительство вызвало Невилля Гендерсона, посла в Берлине, для личного доклада по поводу передвижения германских войск на чехословацкой границе. После доклада правительству Гендерсон получил инструкцию сделать германскому правительству личное предложение о позиции Англии в случае вовлечения Франции в войну из-за Чехословакии. Одновременно английский посланник в Праге Ньютон посоветовал Бенешу сделать «немедленно и без оговорок» такие уступки, которые позволили бы очень быстро достигнуть соглашения с судетскими немцами.

Лорду Ренсмену пришла «гениальная» идея посоветовать Гейнлейну отправиться на свидание к Гитлеру. При этом он снабдил Гейнлейна некоторыми документами и личным посланием для передачи фюреру. Таким образом, Германия была официально привлечена к участию в разрешении судетского вопроса. Свидание состоялось 2 сентября в Берхтесгадене в присутствии Риббентропа и продолжалось пять часов. Гейнлейн сделал Гитлеру подробный доклад о положении дел в Судетской области и о состоянии переговоров с чехословацким правительством. В тот же день было опубликовано следующее официальное коммюнике: «Фюрер и канцлер приняли сегодня в Обер-зальберге главу судетских немцев г-на Конрада Гейнлейна, который, согласно желанию лорда Ренсмена, изложил фюреру ход переговоров между пражским правительством и судетскими немцами. Фюрер с величайшим интересом выслушал декларацию г-на Гейнлейна, и в конце беседы они констатировали полную гармонию между их мнениями относительно настоящего положения»². В результате свидания Гитлера с Гейнлейном германская печать выдвинула требование плебисцита для судетских немцев.

В связи с открытием в начале сентября в Нюрнберге съезда национал-социалистской партии туда отправился Невилль Гендерсон, который должен был, по поручению своего правительства, поддерживать постоянный контакт с Риббентропом, Герингом, Геббельсом и другими руководителями рейха. Ему была поручена нелёгкая задача: убедить главарей германского правительства в том, что Англия не останется безучастной к нападению Германии на Чехословакию, чему Гитлер не верил — и не без основания.

«Дружественные» представления английского и французского посланников, частые встречи Ренсмена с Бенешем и иные формы воздействия привели к тому, что чехословацкое правительство сделало новое, оконча-

тельное предложение, известное под названием «четвёртого плана» Бенеша. По этому плану, состоявшему из девяти пунктов, всем национальным меньшинствам в Чехословакии предоставлялось полное равноправие, они допускались к участию в местной и государственной администрации наравне с чехами, пропорционально их количеству; предусматривалась полная реорганизация государства. «Четвёртый план» Бенеша был одобрен Ренсменом, английским и французским правительствами. 7 сентября уполномоченные партии Гейнлейна признали этот план достаточной базой для возобновления переговоров. Появилась надежда на быстрое урегулирование конфликта.

В то время, как английская дипломатия развивала активную деятельность в Праге и добилась максимальных уступок от чехословацкого правительства, а Гендерсон безуспешно пытался убедить окружение Гитлера в том, что английское правительство «твёрдо» решило не выдать Чехословакию Германии, лондонская «Times» 7 сентября поместила передовую, в которой под лицемерным покровом «дружелюбия» к Чехословакии предлагалось передать Судетскую область Германии. В статье отразились взгляды реакционной клейвденской клики, под сильным влиянием которой находился Чемберлен и отчасти лорд Галифакс.

Лондонская газета, высказывания которой издавна рассматривались во всём мире как выражение руководящей линии английской политики, требовала от Чехословакии гораздо большего, чем осмеливались до тех пор открыто требовать сами судетские немцы и Гитлер. «Times» первая потребовала расчленения Чехословакии. Статья в «Times» произвела удручающее впечатление на мировое общественное мнение. Она, по существу, предупреждала чехословацкое правительство, что судетский вопрос уже решён без его участия и что ему ничего другого не остаётся, как покориться произнесённому лондонским Сити приговору, и одновременно лишний раз сигнализировала Гитлеру, что он может дерзнуть, не опасаясь со стороны официальной Англии никаких неприятностей.

Правда, английское министерство иностранных дел немедленно отмежевалоcь от статьи «Times» и официально заявило, что она не выражает мнения английского правительства. Чехословацкий посланник передал в тот же день, 7 сентября, в Foreign Office формальный протест против передовой газеты «Times», и Foreign Office опубликовал в тот же день второе опровержение, в котором говорилось, что высказанное в утреннем издании газеты «Times» мнение «ни в каком отношении не выражает мнения английского правительства»³.

Однако опровержениям английского правительства и поднятому вокруг него шуму и отмежевываниям от статьи никто всерьёз не поверил. Не поверили этому и в Берлине, где имели информацию, что статья «Times» выражала подлинные намерения руководи-

¹ «Manchester Guardian» N. 28686, 29 August, 1938. p. 12.

² «Temps» N. 28115, le 3 septembre 1938.

³ «Prager Presse», 8 September 1938.

ших английских кругов. Германский корреспондент той же газеты писал спустя несколько дней после официального опровержения: «Передовая статья «Times», в которой чехословацкому правительству рекомендуется не считать исключённой возможность разрешения проблемы путём пересмотра границ, вызвала в Германии величайший интерес. Германские должностные лица вполне отдают себе отчёт в том, что эта статья не представляет официальную точку зрения. Тем не менее они считают, что «Times» в данный момент предлагает выход, о котором в Германии уже давно помышляли, хотя и не высказывали»¹.

События истекших дней наглядно убеждали в том, что словесное противодействие гитлеровским планам в Чехословакии, постоянная суеда в резиденции Чемберлена — на Даунинг Стрит, 10,— беспрепятственные заседания совета министров, совещания лорда Галифакса с французским послом и послами других стран по судетскому вопросу и прочая политическая возня лишь служили прикрытием уже состоявшегося решения — предоставить Чехословакию собственной судьбе.

Статья «Times» послужила сигналом к ещё большей активизации стран «оси». В этой связи интересно отметить, что Муссолини поддерживал карлсбадские требования Гейнлейна, но итальянская фашистская печать и официоз «Informazione Diplomatica» ещё 8 сентября писали, что Судетская область должна и впредь принадлежать Чехословакии, и отмежевывались от тех английских и французских кругов, которые предлагали передать её Германии².

Яркий свет на предисторию мюнхенскогоговора проливает это выступление итальянского официоза, уже после появления пресловутой передовицы в газете «Times», с развёрнутым уточнением итальянской точки зрения и его отмежевание от тех кругов, которые требовали отторжения Судетской области от Чехословакии. Это выступление показывает, что сам Гитлер в начале кризиса не надеялся, что ему удастся уже на данном этапе добиться захвата Судетской области. Лишь после того, как предложение «Times» сделалось практической линией действия Гитлера и поведения англо-французской дипломатии, Муссолини, как видно из его более поздних выступлений, не желая, повидимому, илестись в хвосте, заговорил совсем другим языком. Надо также подчеркнуть, что лишь через три дня после появления передовицы «Times» Геринг на нюрнбергском съезде поставил открыто вопрос о расчленении Чехословакии.

Мировая печать достойно оценила крайнюю уступчивость чехословацкого президента Бенеша, его благоразумную умеренность, которые нашли выражение в проекте государственного преобразования, позволяющем разрешить острый политический кризис

удовлетворительно для обеих сторон, не нанеся ущерба единству и целостности государства. Даже римская «Giornale d'Italia» писала по поводу «четвёртого плана», что он рассеял тёмные тучи в Центральной Европе³.

Обнародование в печати текста проекта «четвёртого плана» было, однако, использовано судетско-фашистской партией в качестве предлога для отсрочки возобновления переговоров до 10 сентября.

В этот день Бенеш обратился с речью по радио ко всем гражданам республики, но прежде всего «к людям, желающим мира и спокойствия и уважающим в других людях человеческое достоинство». Существо политического кризиса, сказал президент республики, состоит в том, что на протяжении веков сталкиваются неразрешённые национальные вопросы на территории Чехословакии. Правительство теперь приступит к радикальному разрешению национального вопроса на основе демократии и полного политического, экономического и культурного равноправия. «Государству будет дано то, что ему принадлежит, а национальностям то, что им надлежит». Начатые переговоры с судетско-немецкой партией, продолжал Бенеш, будут продолжены с представителями других национальных меньшинств, в результате которых будет преобразована внутренняя жизнь государства и достигнут национальный мир. Чехословакия принесла эту жертву, сознавая, что она будет способствовать сохранению всеобщего мира.

В заключение своей речи Бенеш призвал всех граждан прекратить партийную борьбу, «действовать абсолютно лояльно и солидарно и не затрагивать идеи чехословацкого единства»⁴.

В то время, когда Бенеш выступал по радио в Праге, Геринг выступил на нюрнбергском съезде с необычайно резкой, оскорбительной и полной угроз речью по адресу Чехословакии, Советского Союза и западных демократических государств, обвиняя их в натравливании мирового общественного мнения против Германии и Италии, являющихся якобы «оплотом порядка»⁵.

12 сентября Гитлер выступил на нюрнбергском съезде партии национал-социалистов также с угрозами по адресу Чехословакии и тех государств, которые должны были, по договорным обязательствам, прийти ей на помощь в случае нападения на неё, и потребовал немедленного и безоговорочного удовлетворения всех притязаний судетско-немецкой фашистской партии Гейнлейна, не уточняя их объёма и характера⁶.

Речи Гитлера и Геринга крайне обострили положение. Фашистская Германия вы-

³ «Prager Presse», 8 September 1938.

⁴ «Prager Presse», 11 September 1938.

⁵ «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938. Dokumente, S. 934—937.

⁶ «Völkischer Beobachter», 14 September 1938.

¹ «Известия» от 16 сентября 1938 года.

² См. «Temps» N. 28122, le 10 September 1938.

ступила на авансцену в качестве непосредственного участника распри.

После выступления Гитлера 12 сентября конфликт между судетско-немецкой партией Гейнлейна и чехословацким правительством превратился в конфликт между Германией и Чехословакией, из внутривнутриполитического он стал межгосударственным, вследствие чего приобрёл ещё большую остроту.

Желая дать «законный» повод Германии для вмешательства в защиту «угнетённых» немцев, руководство судетско-немецкой партии начало в ночь на 13 сентября вооружённое выступление в разных районах Судетской области. В десятках местностей были произведены террористические акты, на что чехословацкое правительство ответило введением осадного положения в одиннадцати районах, охваченных вооружёнными беспорядками¹. 13 сентября судетско-немецкая партия передала по телефону чехословацкому премьер-министру Годжа наглый ультиматум, ответ на который чехословацкое правительство должно было дать в течение шести часов. В этом ультиматуме были такие требования: отмена осадного положения; вывод полиции из всех районов, где большинство населения составляли немцы, и передача функций охраны порядка мэрам городов и общин; сокращение численности жандармерии и других органов лиги охраны государства и содержание их в казармах; содержание чехословацких войск в казармах².

Так как вооружённые эксцессы не были прекращены, чехословацкое правительство распустило судетско-фашистскую партию, издало приказ об аресте Гейнлейна и других главарей партии, которые бежали в Германию. Гитлер сбросил маску и начал угрожать Чехословакии военной расправой.

Миссия Ренсмена окончила свою бесславную деятельность. Оказав громадную услугу фашистской Германии, она 16 сентября покинула Чехословакию.

Обстановка менялась с кинематографической быстротой. Чемберлен пустил в дело свои дипломатические «таланты». Он уже давно вынашивал план действий, но держал его про запас, как «последний козырь». Чемберлен решил отправиться лично на свидание с Гитлером. План Чемберлена, как тогда же выяснилось, совпал с таким же планом Даладье. Последний связался 13 сентября ночью с английским премьер-министром и обратил его внимание на предпочтительность замены дипломатических нот и представлений личным общением руководящих государственных деятелей³.

Так родилась идея о сентябрьском паломничестве Чемберлена и Даладье в Берхтесгаден, Голдесберг и Мюнхен.

14 сентября Чемберлен сообщил Гитлеру, что он намерен немедленно прилететь к нему в Германию для того, чтобы «найти

мирное разрешение вопроса», и просил его указать время и место встречи. Гитлера не надо было упрекать: он понимал, что Чемберлен может ему помочь на самом трудном и решающем этапе задуманной им агрессии, и назначил свидание на 15 сентября полудни в Берхтесгадене.

15 сентября германское информационное бюро распространило по всему миру ложное сообщение главарей судетско-немецкой партии о том, что в Чехословакии якобы начались немецкие погромы⁴.

Германская печать подхватила измышления гейнлейновцев и начала заполнять свои страницы сообщениями об «ужасах», «жестокостях» и «издевательствах», якобы творимых чехословаками над «невинными» немцами по всей Чехословакии.

Во время свидания Чемберлена с Гитлером последний заявил, что он скорее предпочтёт начать мировую войну, чем отложит разрешение судетской проблемы, и жаловался Чемберлену, что Германия подвергается угрозам со стороны западных держав. На это английский премьер-министр возразил, что следует отличать угрозы от предупреждений. Тем временем началась психическая атака на Чехословакию, Англию и Францию со стороны Италии.

15 сентября Муссолини обратился с открытым письмом к Ренсмену, в котором издевался над чехословацким государством, называя его «крокодилом» и «кишкой», и предлагал его уничтожить, чем будет «устранён с европейской карты очаг беспорядка и беспокойства». Дуче впервые поставил публично польскую, венгерскую и словацкую проблемы и советовал Ренсмену предложить Бенешу произвести референдум среди всех национальностей Чехословакии. Если Бенеш не согласится это сделать, то Англия будет вправе отказать Чехословакии в помощи. После выступления Гитлера в Нюрнберге не могло быть речи о компромиссах. «Карлсбад уже изжит», и Ренсмен может совершить нечто такое, «что войдёт в историю», если он убедит своё правительство принять точку зрения Гитлера. «Если Лондон заявит, что он останется непоколебимым, то никто не тронется с места... Игра действительно не стоит свеч»⁵.

Как известно, этот призыв нашёл отклик. Дал ли Ренсмен себя «убедить» доводами Муссолини, или он уже до того был «убеждён» в необходимости разрушения чехословацкого государства, но выводы лорда, изложенные шесть дней спустя в письме к Чемберлену, являлись английским изданием «наказа» дуче. 18 сентября Муссолини опять выступил в Триесте с требованием передачи Судетской области Германии⁶.

В эти же дни министр иностранных дел Чанано сделал, по поручению Муссолини,

⁴ «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938, S. 957, 961.

⁵ «Popolo d'Italia», 15 settembre 1938; «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938. Dokumente, S. 959—961.

⁶ «Frankfurter Zeitung», 19 September 1938.

¹ «Prager Presse», 15 September 1938.

² «Temps» N. 28128, le 16 septembre 1938.

³ «Temps» N. 28147, le 5 octobre 1938.

следующее заявление германскому правительству: «В случае локализации конфликта между Германией и Чехословакией позиция Италии будет ещё раз обсуждена, но если конфликт сделается всеобщим и если антифашистские силы используют его в качестве предлога для создания коалиции идеологического характера против национал-социалистской Германии, тогда для Италии не будет больше никакой альтернативы или сомнения. Италия в этом случае почувствует себя угрожаемой и выступит со всеми своими силами на стороне Германии»¹.

19 сентября «Daily Mail», являвшаяся в то время английским рупором Гитлера, напечатала беседу своего корреспондента Уорда Прайса с фюрером, в которой вся ответственность за созданный Берлином политический кризис была возложена на Чехословакию и... на СССР.

На совещании в Лондоне 18 сентября между Чемберленом, Галифаксом, Даладье и Боннэ были подвергнуты рассмотрению политическая обстановка, результаты беседы в Берхтесгадене и предложения Ренсимена, который был привлечён к обсуждению. Свою точку зрения Ренсимен развил в меморандуме (от 21 сентября на имя Чемберлена), который был неделю спустя опубликован в «Белой книге по чехословацкому вопросу», представленной английским правительством парламенту.

Ренсимен в меморандуме предлагал передать немедленно и без плебисцита Судетскую область Германии, сделать Чехословакию «вечно» нейтральным государством и изменить внутреннюю и внешнюю политику: 1) ограничить действующие по конституции свободы и деятельность партий и лиц, поощрявших политику вражды к соседям Чехословакии; 2) изменить внешнюю политику и дать заверения соседям, т. е. Германии, что она сама не нападет на них и не будет участвовать в действиях, происходящих из обязательств по отношению к другим государствам; 3) заключить торговый договор с Германией на принципе преференциальных льгот. Если всё это будет выполнено, то Ренсимен рекомендовал главным державам, «действующим в интересах европейского мира, предоставить Чехословакии гарантии помощи в случае неспровоцированной агрессии против неё»².

В результате совещания ведущих англо-французских министров в Лондоне и консультации лорда Ренсимена английское и французское правительства вручили 19 сентября чехословацкому правительству ноту, в которой был изложен план урегулирования мирным путём конфликта с Германией. Англо-французские министры, говорилось в

этом документе, пришли к заключению, что дальнейшее оставление в пределах Чехословакии судетских районов, населённых немцами, подвергает якобы опасности интересы Чехословакии и европейский мир, а во избежание этого они предлагали передать Судетскую область Германии. Ввиду того, что проведение голосования населения представляет на практике большие трудности, оба правительства предлагали передать Германии территорию, населённую немцами больше чем на 50%, без плебисцита.

В случае принятия этого предложения английское и французское правительства выражали готовность признать право Чехословакии потребовать гарантии своей будущей безопасности. Английское правительство, со своей стороны, выражало готовность присоединиться к международной гарантии новых чехословацких границ.

Чемберлен договорился с Гитлером о том, что переговоры будут возобновлены как можно скорее, поэтому от чехословацкого правительства ждали безотлагательного ответа³.

Принимая решение потребовать от Чехословакии этой жертвы, руководящие министры Англии и Франции были озабочены главным образом тем, чтобы отыскать такое «решение, которое не обязывало бы Францию автоматически начать действия, соответствующие её обязательствам»⁴. Другими словами, они добивались освобождения Франции от её обязательства прийти на помощь Чехословакии и лишить всякого значения франко-чехословацкий союз.

Решение о расчленении Чехословакии было принято правительством Чемберлена и Даладье в сговоре с Гитлером без ведома и вне Лиги наций, которая была призвана охранять независимость и целостность территории её членов. Как раз в это время происходили заседания ассамблеи Лиги в Женеве, но чехословацкий вопрос вовсе не фигурировал на повестке дня и никем не затрагивался. Однако советское правительство разрушило заговор молчания лондонских и парижских «умиротворителей». Народный комиссар иностранных дел тов. Литвинов заявил на ассамблее Лиги наций 21 сентября: «В момент, когда закладываются фугасы для взрыва организации, с которой были связаны великие надежды многих современников, которая наклаывала определённую печать на нашу эпоху международных отношений, в момент, когда, отнюдь не благодаря случайному совпадению, вне Лиги принимаются решения, которые напоминают нам международные сделки довоенного времени и которые должны опрокинуть ныне существующие понятия о международной морали, о международных договорных обязательствах, когда устраиваются, очевидно, жертвоприношения богу агрессии, когда подводится чер-

¹ «Monatshefte für auswärtige Politik», Januar 1938. Dokumente, S. 46.

² «Miscellaneous» N. 7, 1938. Correspondence Respecting Czechoslovakia. September 1938. London, N. 1, 1938, p. 7—8. Ниже этот источник будет обозначен: The White Paper. Correspondence Respecting Czechoslovakia. Cmd. 5847.

³ The White Paper. Correspondence Respecting Czechoslovakia. Cmd. 5847, N. 2, 1938; p. 8—11.

⁴ См. речь Чемберлена в палате общин. «Temps» N. 28142, le 30 septembre 1938.

та под всей послевоенной международной деятельностью единственным выводом, что ничто не удаётся, кроме агрессии,— каждое государство должно определить свою роль и свою ответственность перед современниками, перед историей».

Определяя официальную точку зрения советского правительства к судетской проблеме и к англо-французскому ультиматуму Чехословакии, тов. Литвинов заявил: «Связанный с Чехословакией пактом о взаимной помощи, Советский Союз в дальнейшем воздерживался от всякого вмешательства в переговоры чехословацкого правительства с судето-немцами, считая это внутренним делом чехословацкого правительства. Мы воздерживались от всяких советов чехословацкому правительству, считая недопустимым требовать от него уступок немцам в ущерб государственным интересам, ради избавления нас от необходимости выполнения наших обязательств по пакту. Не давали мы советов также и в обратном направлении. Мы весьма ценили такт чехословацкого правительства, которое до самых последних дней нас даже не запрашивало, выполним ли мы свои обязательства по пакту, ибо оно, очевидно, в этом не сомневалось и не имело оснований сомневаться».

Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я от имени своего правительства дал совершенно чёткий и недвусмысленный ответ: мы намерены выполнять свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом. Независимо от этого мы считали бы, однако, желательным постановку вопроса в Лиге наций пока хоть о статье 11-й с целью, во-первых, мобилизации общественного мнения и, во-вторых, выяснения позиций некоторых других государств, пассивная помощь которых была бы весьма ценной. Необходимо, однако, сперва исчерпать все меры предотвращения вооружённого конфликта, и одной из таких мер мы считаем немедленное совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша.

Вот как гласил наш ответ. Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило советское, готово ли оно, в соответствии с чехословацким пактом, оказать немедленную и действительную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь, и на это советское правительство дало совершенно ясный и положительный ответ. Я думаю, согласятся, что это был ответ лояльного участника международного соглашения и верного защитника Лиги наций. Не наша вина, если не было

дано хода нашим предложениям, которые, я убеждён, могли дать желательные результаты как в интересах Чехословакии, так и всей Европы и всеобщего мира. К сожалению, были приняты другие меры, которые привели, и не могли не привести, к такой капитуляции, которая рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия.

Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да ещё ценою удовлетворения аппетитов ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств, не значит действовать в духе пакта Лиги наций. Премировать брачные оружием и обращение к оружию для разрешения международных проблем, иначе говоря, премировать и поощрять наступательный сверхимпериализм в до сих пор неслыханных формах, не значит действовать в духе пакта Келлога—Бриана.

Советское правительство, которое гордится своей непричастностью к такой политике и которое неизменно следовало принципам этих двух пактов, одобренных почти всеми народами мира, не будет и впредь отступать от них, убеждённое в том, что в настоящих условиях невозможно иным путём обеспечить действительный мир и действительную международную справедливость. Вернуться на этот путь оно зовёт и другие правительства»¹.

Международное общественное мнение по достоинству оценило поведение советского правительства в европейском кризисе².

Что же происходило в Чехословакии в те дни, когда реакционные руководящие круги Англии и Франции делили её и отдавали злейшему вековому врагу? Чехословацкие народные массы держали себя очень стойки и непоколебимо и не допускали мысли об уступке хотя бы клочка родной территории немецкому захватчику, готовые отдать свою жизнь за сохранение целостности и незави-

¹ «Известия» от 22 сентября 1938 года.

² «New York Sun» писала 21 сентября: «СССР дал согласие оказать поддержку Чехословакии в случае нападения на неё Германии, но Англия и Франция капитулировали перед Гитлером». Швейцарская газета «Tribune» писала 23 сентября: «Члены Лиги хотели, чтобы Литвинов определил советскую позицию в чехословацком вопросе. Он сделал это с предельной ясностью... Больше того, неумолимой логикой своего выступления он сорвал ту лживую вуаль, которой капиталистические правители Франции и Англии хотели прикрывать свой преступный и трусливый сговор с агрессорами». «New York Times» писала 25 сентября: «Речь Литвинова не оставляет никаких сомнений в том, что Советский Союз готов оказать помощь Чехословакии, если только Франция выполнит свои обязательства. По существу, Литвинов прилагает все усилия к тому, чтобы добиться от Франции выполнения взятых ею обязательств по франко-чехословацкому пакту взаимопомощи» (Цит. по газете «Известия» за 22 и 26 сентября 1938 г.).

симости своей родины. Печать всех демократических политических напразлений защищала эту же точку зрения и призывала к борьбе за независимость. Известный левый публицист Риппка поместил статью в «Лидови новины» под характерным названием «Ни в коем случае». Орган Бенеша «Чешское слово» писал: «Целостность Чехословакии должна быть нерушимой. Чехословакия должна сохранить границы, которые с военной точки зрения возможно было бы защищать. Наши решения должны основываться на этих двух принципах... Австрийский пример — для нас урок, который призывает нас к защите нашей жизни и нашего государства». Даже центральный орган аграрной правительственной партии «Венков» вынужден был писать, двурущничая: «Границы Чехословакии установлены самой природой. Они утверждены тысячелетней историей. Поэтому народ не хочет и не пойдёт на дискусию о границах»¹.

Такое единодушие печати сохранялось до тех пор, пока она могла высказываться свободно. После первого посещения Чемберленом Гитлера и выдачи им Гитлеру Чехословакии в руководстве аграрной партии и в самом правительстве взяли перх крайние реакционные элементы Берана, которые были связаны с парижскими и лондонскими руководящими реакционными кругами. В Праге, как в Лондоне и Париже, политическую погоду начали делать капитулянты. 17 сентября правительство Годжи ввело чрезвычайное положение во всей стране, запретило устраивать собрания, ввело предвзятую цензуру. Все эти мероприятия мотивировались передвижением немецких войск на границе. На деле же капитулянтские элементы в правительственной партии хотели, наложив намордник на печать, подготовить чехословацкое общественное мнение к капитуляции. Хотя министерству внутренних дел было известно местонахождение складов оружия гейнлейновцев, до оружия почему-то не конфисковалось. Зато стали усердно распространять вздорные слухи о подготовке в Праге коммунистического переворота. В столицу начали стягивать полицию и жандармерию из Судетской области, чем воспользовались гейнлейновцы и устроили в разных местах вооружённые выступления. Предварительная цензура заткнула рот независимой и патриотической печати, которая вынуждена была замолчать. Но зато заговорила печать капитулянтов, до сих пор скрывавшая свои истинные настроения. Рупор крупной промышленности «Prager Tageblatt» писал: «Сердца патриотически настроенных чехов отнюдь не испытывают горячих чувств к некоторым пограничным районам, как это обычно думают»².

В народе ходили смутные слухи об англо-французском плане, но никто толком не знал, в чём он состоит. Он всё ещё верил в англо-французскую помощь. Народу не говорили о готовности Советского Союза оказать поддержку своему союзнику, но он ни-

когда в этом не сомневался, и это укрепляло его решимость бороться. Как только стали просачиваться достоверные сведения об англо-французском плане расчленения страны, народные массы потребовали от правительства оказать противодействие Англии и Франции. Газета «Телеграф», например, писала: «Только два фактора — неприкосновенность территории, составляющей единое хозяйственное целое, и укрепленные границы, охраняемые армией, — есть подлинная гарантия существования нашей республики. Австрия также имела международные гарантии великих держав. Австрия — злоеший пример, который призывает нас к решимости защищать всеми силами и средствами свою жизнь, своё государство и насущные интересы нашего народа»³.

Специальный корреспондент «Petit Parisien» так характеризовал отношение чехословацких народных масс к англо-французскому плану: «Ни криков, ни демонстраций, ни стремительных движений народа, а немая, спокойная, суровая решимость. Экзальтация, сдержанная героическим благоразумием. Народ стиснул зубы. Нет ни одного человека, от самого тёмного до самого образованного, который не был бы готов пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти государство. Из бесед, которые я проводил с видными деятелями и с людьми из народа, ясно вытекает, что никакое посягательство на государственную территорию Чехословакии не будет допущено ни народом, ни руководителями страны»⁴.

При таком настроении народных масс даже капитулянтские элементы в правительстве Годжи не решались без торга и безоговорочно удовлетворить англо-французские требования.

20 сентября чехословацкое правительство предложило передать конфликт на разрешение арбитража, но после повторных демаршей французского и английского посланников в Праге оно приняло 21 сентября англо-французское предложение без оговорок. В тот же день, в 9 часов вечера, пражское правительство передало по радио заявление, существенная часть которого гласила: «Великий кризис, который переживает в продолжение нескольких лет Европа, достиг в последнее время вокруг нас в Центральной Европе наивысшей точки. После 20 лет спокойствия, порядка и мира наше демократическое государство тяжело задето последствиями европейского кризиса. Вследствие динамических политических течений из соседнего государства наше государство поставлено под угрозу... Мы оказались перед угрозой войны... Президенту республики совместно с правительством ничего другого не оставалось, как принять предложение обеих великих держав в качестве основы для дальнейших переговоров. Нам ничего другого не оставалось, так как мы были одни»⁵.

В правительственном сообщении ничего не было сказано о положительном ответе

³ См. «Известия» от 20 сентября 1938 года.

⁴ «Le Petit Parisien» le 19 septembre 1938.

⁵ «Prager Presse», 22 September 1938.

¹ См. «Известия» от 26 сентября 1938 года.

² Там же.

советского правительства. Наоборот, правительственное агентство подхватывало и распространяло клевету, пущенную в ход в тот же день печатно аграрной партией, что на помощь Советского Союза надеяться нечего. Излагая сообщение советского правительства о готовности его выполнить свои обязательства по советско-чехословацкому пакту и как члена Лиги наций, агентство от себя добавило: «Такая процедура при нынешнем положении в Женеве — дело безнадежное».

Весть о капитуляции правительства вызвала возмущение народных масс во всей стране. Десятки тысяч рабочих, служащих, учащихся вышли 21 сентября вечером на улицы Праги и двинулись ко дворцу президента Бенеша с возгласами: «Дайте нам оружие, сделанное нашими руками!», «Мы не хотим сдаваться!», «Мы хотим сохранить наши границы!».

Ночью прибыли в Прагу представители от разных городов республики для передачи правительству протеста против капитуляции перед пособниками агрессоров — Англией и Францией. Утром 22 сентября в стране стихийно началась всеобщая стачка. Рабочие приходили на заводы и предприятия, строились в колонны и отправлялись к зданию парламента и президенту, а в провинции — к правительственным зданиям. У парламента собралось больше 100 тыс. демонстрантов. Мимо здания народного представительства и дворца президента проходили десятки тысяч возмущённых демонстрантов с пением национального гимна и лозунгами: «Требую власти военных!», «Да здравствует СССР!». На многотысячных митингах на площадях Праги выступали Готвальд — от коммунистической партии, Шташек — от партии чешских католиков, Рахин — от «Народче съедночене», ораторы от чешских социалистов, от союза легионеров, начальник пражского гарнизона генерал Вобратилек и др., требовавшие отпора пособникам агрессора. Ораторы аграрной партии не осмелились появиться на трибуне. Митинг избрал делегацию из представителей всех партий, за исключением аграрной, поручив ей потребовать у президента образования правительства из партий, стоящих на страже интересов страны и готовых защищать целостность республики. Количество демонстрантов в Праге 22 сентября доходило до 500 тыс. человек. Такие же народные демонстрации-протесты происходили в тот же день в Пильзене, Брно, Моравска Острава, Турнове и других промышленных городах. Народная волна всеобщего негодования смело празднество Годжи, после чего всеобщая стачка по призыву коммунистической партии и профессиональных союзов была прекращена во вторую половину дня 22 сентября. Но новое правительство было поручено сформировать главному инспектору чехословацкой армии генералу Сырову¹, который, как это выяснилось впоследствии, оказался предателем.

Корреспондент «Daily Telegraph and Morning Post» следующим образом характери-

зовал народное движение 22 сентября в защиту независимости и целостности республики: «Эти демонстрации по количеству участников и энтузиазму можно сравнить лишь с теми, которые происходили в 1918 г. во время воссоздания Чехословацкой республики. Чехословацкий народ снова вздохнул полной грудью. Казалось, будто эвациям в честь армии и в честь защитников границ отечества не будет конца»².

Весть об отставке правительства Годжи была встречена неописуемым энтузиазмом народных масс. Корреспондент фашистской «Frankfurter Zeitung» с озлоблением сообщал своей газете, что вся улица перед зданием парламента, запруженная народом, «гремела от аплодисментов при объявлении об отставке».

Корреспондент «United Press» в Праге писал по поводу событий тех дней, что когда народ узнал о капитуляции правительства под нажимом английского и французского правительств, то негодование сейчас же вылилось в очень бурные формы: «Население тем более было уверено всё время в помощи со стороны Франции и Англии, что газеты вследствие вмешательства цензуры не имели ни малейшей возможности затронуть вопрос о подлинном поведении западных держав. Разочарование широких слоёв населения англо-французским планом привело к столь сильному озлоблению по отношению к обеим державам, что пражские представители английской и французской печати предпочли снестись сняты с петлиц свои национальные значки»³.

Начальник французской военной миссии в Чехословакии генерал Фоше, возмущённый поведением своего правительства, демонстративно вышел в знак протеста из французского гражданства и подал заявление о переходе в чехословацкое гражданство.

Здесь не место описывать взрыв международного негодования против англо-французско-германского плана расчленения демократической страны в Центральной Европе и то мощное движение солидарности, чувства и готовности оказать помощь чехословацкому народу, столь ярко проявившееся в печати, петициях, митингах, собраниях десятков и сотен организаций в Англии, США, Франции и других странах. Рабочие, интеллигенция, парламентарии и даже некоторые церковники в один голос протестовали против совершаемого насилия и требовали призвать агрессора и пособников к порядку. Движение было настолько мощным, что даже капитулянтские элементы в Англии и Франции и их печать вынуждены были некоторое время двуручничать и выступать в «защиту» Чехословакии.

Несмотря на ясное и категорическое заявление советского правительства о своём отношении к чехословацкому вопросу, оно всё же было истолковано заинтересованными реакционными пособниками германскому агрессору как нежелание Советского Союза прийти на помощь Чехословакии, что на-

² См. «Известия» от 28 сентября 1938 года.

¹ «Известия» от 22, 23 и 24 сентября 1938 года.

³ См. «Известия» от 26 сентября 1938 года.

шло даже отклики и в сообщении чехословацкого агентства. Эти клеветнические наветы побудили советское правительство выступить с вторичным заявлением. 23 сентября тов. Литвинов на заседании 6-й политической комиссии Лиги наций огласил следующую декларацию: «После заявления, сделанного мной в ассамблее об отношении советского правительства к чехословацкой проблеме, мне приходилось слышать замечания, что, поскольку советское правительство ставит условием своей помощи Чехословакии такую же помощь со стороны Франции, оно как будто также нарушает советско-чехословацкий пакт о взаимной помощи. Люди, которые делают такие замечания, очевидно, не знают или делают вид, что не знают, что советско-французский и советско-чехословацкий пакты о взаимной помощи явились результатом акции в пользу создания регионального пакта о взаимной помощи с участием Германии и Польши, основанного на коллективной помощи. Вследствие отказа этих двух стран, Франция и Чехословакия предпочли вместо одного советско-франко-чехословацкого пакта заключить два двусторонних пакта. Как раз чехословацкое правительство при этом настаивало на том, чтобы советско-чехословацкая взаимная помощь была обусловлена помощью Франции, что нашло себе выражение в соответственном договоре. Таким образом, советское правительство свободно от всяких обязательств перед Чехословакией в случае безучастного отношения Франции к нападению на неё. В этом смысле советское правительство может прийти на помощь Чехословакии лишь в порядке добровольного решения, либо в силу постановления Лиги наций, но никто не вправе этой помощи требовать по праву, и, действительно, чехословацкое правительство не ставило вопроса о нашей помощи независимо от французской и не только по формальным, но и по практическим соображениям. Уже после принятия им германо-англо-французского ультиматума оно запросило советское правительство, какова будет позиция последнего, иначе говоря, будет ли оно ещё считать себя связанным чехословацко-советским пактом в случае предъявления Германией новых требований и неудачи англо-германских переговоров и решения Чехословакии защищать свои границы с оружием в руках.

Этот вторичный запрос вполне понятен, ибо после принятия Чехословакией ультиматума, включающего эвентуально денонсирование советско-чехословацкого пакта, советское правительство, несомненно, имело моральное право также немедленно отказаться от этого пакта. Тем не менее советское правительство, не ищущее предлогов, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств, ответило Праге, что в случае помощи Франции в указанных чехословацким правительством условиях вступит в силу советско-чехословацкий пакт.

Я позволил себе это отступление по тем соображениям, что выступать здесь, как я это делаю, может лишь представитель правительства, имеющего чистую совесть и чистые руки в области выполнения междуна-

родных обязательств. Я должен прежде всего отвести от советского правительства всякие несправедливые, основанные на незнании или злые упреки»¹.

Хотя народная волна негодования смела правительство Годжи, но содеянное им предательство национальных интересов осталось в силе. И новое правительство Сыровы не отменило рокового принципиального соглашения на отделение Судетской области, которое тянуло страну в бездну.

Получив согласие хотя и свергнутого уже чехословацкого правительства, английский премьер-министр вновь полетел к Гитлеру, для того чтобы сообщить ему радостную весть о достигнутом принципиальном соглашении. Оставалось лишь, по мнению Чемберлена, договориться с Германией по ряду важных, но всё же второстепенных практических вопросов.

Новая встреча Чемберлена с Гитлером состоялась 22—23 сентября в Гудесберге. Гитлер выставил совершенно новые требования, представлявшие собой ультиматум, какой предъявляют побеждённой стране. Он требовал, чтобы Чехословакия немедленно вывела свои войска, жандармерию, полицию и пограничную стражу с уступаемой Германии территории и оставила в полной неприкосновенности и в неповреждённом виде всё движимое и недвижимое государственное и частное имущество, военные сооружения, укрепления, фабрики и заводы, железные дороги и иные пути сообщения, средства связи и т. д.².

Гитлер потребовал передачи Германии территории, на которой жило, по переписи 1930 г., 3 736 037 чел., из которых 2 823 247 немцев и 816 359 чехов. Причём на этой территории находился район с преимущественно чешским населением (434 тыс.). Гитлер постоянно говорил о том, что он требует для немцев только права на самоопределение. В Гудесберге он сорвал с себя маску и потребовал передачи Германии района, в котором жило около миллиона чехов. Передача Германии намеченных Гитлером районов лишала Чехословакию значительной части её промышленности, важных горных и сельскохозяйственных округов и главных путей сообщения. Германия захватывала одновременно железобетонную систему укреплений, построенную по образцу «линии Мажино», со всем её вооружением. К Германии должна была перейти часть чехословацких лесов, являвшихся основой бумажной и деревообделочной промышленности Чехословакии, часть металлургической, текстильной, стекольной, керамической, химической, вся дрожжевая (хмель) промышленность и т. д.³.

23 сентября Чемберлен известил Гитлера письмом о том, что он готов передать Чехословакии гитлеровский план проведения временной границы, но что он не согласен рекомендовать ей принять этот план, так как он противоречит духу берхтесгаденского соглашения, которое Франция и Англия на-

¹ «Известия» от 24 сентября 1938 года.

² «Manchester Guardian» N. 28713, 29 September 1938, p. 4; «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938, S. 969—970.

³ «Prager «Presse», 27 September 1938.

стойчиво советовали чехословацкому правительству принять и которое оно действительно приняло. Чемберлена мало занимал вопрос о том, что новое требование Гитлера превосходило во многом его предыдущее предложение; его беспокоило то обстоятельство, что его нельзя будет провести в жизнь без особых трений.

Чемберлен признавался Гитлеру, что он не может подписаться под новым требованием, так как не убеждён в том, что оно будет одобрено общественным мнением Англии, Франции и всего мира и признано планом, который может быть проведён в жизнь мирным путём и без угрозы применения насилия.

Чемберлен не возражал против немедленной оккупации Судетской области по существу. Его смущало лишь то, что поспешная оккупация Судетской области будет всюду оценена «как ненужная демонстрация проявления силы» и вынудит чехословацкое правительство оказать вторжению германских войск вооружённое сопротивление, которое, в свою очередь, писал он Гитлеру, приведёт «к разрушению основы, о которой мы с вами договорились неделю назад, а именно, что урегулирование этого вопроса произойдёт в спокойной обстановке и в полном порядке».

Чемберлен просил Гитлера сделать некоторую уступку в вопросе о порядке передачи Судетской области, которая облегчила бы Чехословакии эту передачу. Чемберлен сообщал, что уже накануне он передал пражскому правительству совет обеспечить порядок в Судетах в «переходное время». Со своей стороны, он советовал Гитлеру не вводить пока войска в Судетскую область и поручить судетским немцам организовать охрану порядка под контролем иностранных наблюдателей¹.

Однако Гитлер не внял бесплодным мольбам Чемберлена. В длинном письме демагогического характера он отклонил предложение Чемберлена, отверг его соображения и заявил, «что нет международной силы или международного соглашения, которые имели бы право поставить себя выше германского права», а последнее требует занятия германскими войсками Судетской области не позже 1 октября².

Во втором письме, от 23 сентября, Чемберлен известил Гитлера, что его, Чемберлена, обязанность «как посредника» ограничивается передачей его новых предложений Чехословакии. В связи с этим Чемберлен просил снабдить его документом, в котором эти предложения были бы сформулированы и обозначены на карте. В заключение он просил Гитлера сохранить в силе соглашение от 15 сентября и не предпринимать вооружённых действий в Судетской области, пока продолжается посредничество³.

Как это письмо, так и новая трёхчасовая беседа Чемберлена с Гитлером 23 сентября в Годесберге не могли привести ни к чему иному, кроме как к укреплению позиций гитлеровской Германии.

Выходя из самолёта по возвращении из Годесберга, Чемберлен имел бесстыдство заявить: «Теперь дело за Чехословакией». Этого не могла стерпеть даже благосклонно относившаяся к политике Чемберлена консервативная печать: «Вся ответственность лежит на Гитлере. Если начнётся мировая война, то этому виновником будет он»⁴. И прогермански настроенный в то время Гарвин писал в воскресном «Observer»: «Британский премьер-министр совершил две неприятные поездки в Германию, подучив два ультиматума, но не добился уступок... Если мы в настоящее время вынуждены будем взяться за оружие, не имея иного исхода, кроме как быть поработёнными, то пусть знают, что мы никогда не пойдём на это»⁵.

24 сентября двести адвокатов отправили в Foreign Office депутацию с требованием твёрдо сопротивляться шантажу. 30 консерваторов, членов парламента, с генералом Спирс отправили Галифаксу письмо с угрозой голосовать против правительства, если будут требовать дальнейших уступок от Чехословакии⁶.

Во время свиданий в Берхтесгадене и Годесберге затрагивался также и колониальный вопрос. Гитлер заявил английскому премьеру, что этот трудный вопрос «не послужит причиной для войны». Германии занимает в первую очередь, заверял Гитлер Чемберлена, судетский вопрос, и что «это его последнее территориальное требование в Европе». Обмен колоний, в которых был заинтересован англо-французский империализм, на Судетскую область, повидимому, сыграл на последнее роль в действиях Чемберлена и Даладье. Политический смысл заверений Гитлера о мирном урегулировании колониальных претензий Германии и о «последних» территориальных требованиях в Европе состоял в следующем: Чемберлен должен помочь Германии получить Судеты «мирным» путём, а он, Гитлер, будет снисходителен при разрешении колониального вопроса. Вся политика Чемберлена и Даладье — Боннэ до, во время и после судетского кризиса вплоть до аннексии в марте 1939 г. Чехословакии свидетельствует о том, что англо-французские реакционные руководящие круги строили на упомянутых выше заверениях Гитлера свои расчёты, что Германия направит свою агрессию против Советской России.

Между тем во время пребывания Чемберлена в Годесберге английское министерство иностранных дел, некоторые руководящие работники которого не были согласны с политикой Чемберлена, посоветовало чехословацкому правительству произвести мобили-

¹ The White Paper. Correspondence Respecting Czechoslovakia. Cmd. 5847, N. 3, 1938, p. 10—11.

² Das Diktat von Versailles. Herausgegeben von Prof. Dr Fritz Berber, N. 575, S. 1670—1602. Essen. 1939.

³ The White Paper. Correspondence Respecting Czechoslovakia. Cmd. 5847, N. 5, 1938, p. 14.

⁴ «Sunday Times», 25 September 1938.

⁵ «Observer», 25 September 1938.

⁶ См. «Известия» от 25 сентября 1938 года.

зацию. 23 сентября, в 23 часа 30 минут, Бенеш издал приказ о всеобщей мобилизации. Все военнообязанные до 40 лет должны были явиться на призывные пункты через шесть часов. Бенеш обратился по радио к народу со следующей речью: «Сограждае! Наступил самый серьёзный, решающий момент. Успех зависит от каждого из вас. Знайте, что ваша защита, охрана жизни и интересов ваших семей, родины и свободы могут быть обеспечены только в том случае, если каждый из вас выполнит свой долг и предоставит в распоряжение государства свои силы. Наша борьба — справедливая борьба. Единым фронтом за свободу нашей родины!»

Чехословацкий народ ответил на объявление мобилизации и призыв президента небывалым патриотическим подъёмом. Через 15—20 минут после приказа о мобилизации на центральной площади Праги состоялась мощная демонстрация под лозунгами: «Своей территории не отдадим!», «Будем бороться за родину до последнего человека!» Через 40 минут после объявления мобилизации с пражских вокзалов начали отправляться через каждые 5—6 минут эшелоны мобилизованных. Мобилизация прошла в образцовом порядке в Чехии, Словакии и Карпатской Украине, не исключая Судетской области¹.

После первой встречи с английским премьер-министром, 22 сентября, Гитлер известил Муссолини, что положение обострится. Италия приступила к подготовительным военным мероприятиям. 25 сентября состоялась встреча между специальным уполномоченным Гитлера и Муссолини в Венеции. Через два дня после этого Италия произвела частичную мобилизацию, увеличив состав армии в два с половиной раза. Армия на французской границе, авиация и морской флот в Средиземном море были приведены в боевую готовность и заняли исходные позиции².

Годесбергский ультиматум ещё больше обострил политическую обстановку в Европе. Германия не только угрожала, но и готовилась к решительным действиям. 24 сентября Франция приняла кое-какие меры оборонительного характера, призвав некоторые категории запасных. В воздухе запахло по-рому.

В этот критический момент Гитлеру пришли на помощь панская Польша и магнацкая Венгрия. В начале возникновения судетского кризиса, в конце мая 1938 г., польское правительство поставило в известность английское, французское и пражское правительства, что Тешинский округ должен получить такие же права, какие получат немецкое национальное меньшинство в Судетской области. Если немцы получат автономию, право на самоопределение или же добьются выделения Судетской области из состава Чехословакии, то и поляки в Тешине должны получить то же самое.

17 сентября польская дипломатия вновь поставила этот вопрос в Париже, Лондоне и Праге, а спустя несколько дней настойчиво повторила своё требование. 21 сентября польское правительство денонсировало договор с Чехословакией 1925 г. о наименьшинствах и концентрировало свои войска на её границе. Не желая создавать новый конфликт с Польшей после того, как чехословацкое правительство приняло англо-французский план «умиротворения» агрессора (от 19 сентября), Бенеш вынужден был уступить Польше Тешин, о чём он известил личным письмом президента Мосейцкого. Польша не унималась и угрожала вторжением в Словакию. На это советское правительство ответило угрозой денонсировать советско-польский договор о ненападении. Эта угроза и военные приготовления во Франции на время отрезвили воинственные польские руководящие круги, и они согласились начать переговоры с Прагой.

Венгерское правительство не оставалось молчаливым зрителем развивавшейся драмы в Чехословакии. Оно также предъявило в Париже, Лондоне и Праге претензию на уступку Венгрии значительной части Словакии и Карпатской Украины. Регент Хорти, премьер-министр Имреди, министр иностранных дел Кания и начальник генерального штаба Керестеш-Фишер отправились в Германию и были с почестями приняты 20 и 21 сентября Герингом в Альт-Штернберге и Гитлером в Берхтесгадене, где получили определённые обещания³.

Таким образом, после свидания в Годесберге к «оси» Берлин — Рим присоединились ещё два хищника средней величины; возникло товарищество на паях для ограбления и расчленения Чехословакии.

25 сентября чехословацкое правительство передало английскому и французскому правительствам ноту, в которой заявляло, что Чехословакия приняла «жестокие условия так называемого англо-французского плана» об уступке Германии части своей территории, полагая, что это является последним требованием и что Англия и Франция «возьмут на себя ответственность за наши уменьшенные границы».

Но английский посланник передал чехословацкому правительству новое гитлеровское предложение, вернее, ультиматум, вручённый немцами Чемберлену в Годесберге, заявив при этом, «что английское правительство действует как посредник и ни в коем случае не хочет советовать или оказывать давление на чехословацкое правительство».

Констатировав недостойное поведение английского правительства, чехословацкое правительство в ответной ноте заявило, что требования Гитлера «абсолютно и безусловно неприемлемы» и что оно считает себя обязанным «оказать энергичное сопротивление» этим притязаниям, ибо чехословацкий народ «никогда не сделается нацией рабов».

В заключение чехословацкое правительство заявляло: «Мы надеемся, что обе вели-

¹ «Правда» от 25 сентября 1938 года.

² «Monatshette für auswärtige Politik», Januar 1939. Dokumente, S. 46—47.

³ «Temps» N. 28134, le 22 septembre 1938.

кие державы, чьи пожелания мы обещали выполнить в основной части, вопреки велению нашего разума, поддержат нас в час испытания»¹.

В день вручения чехословацкой ноты Даладе и Бонне находились в Лондоне и снова обсуждали с Чемберленом и Галифаксом создавшееся после свидания в Годесберге положение. Из Берлина официально сообщили, что 28 сентября, вечером, Гитлер выступил с речью, в которой объяснил своё последнее решение, после чего отступление является невозможным. Казалось, европейская война становилась неминуемой.

Английское правительство приняло ряд човых подготовительных мер военного характера, привело флот в боевую готовность, развило большую шумиху по организации противовоздушной обороны. Такие же шаги предприняло французское правительство. Однако ни английское, ни французское правительства не думали всерьёз оказать сопротивление Гитлеру, и ему это было хорошо известно.

26 сентября Чемберлен послал к Гитлеру своего личного секретаря Хораса Вильсона с письмом, в котором сообщал об отказе чехословацкого правительства принять годесбергский меморандум и об отрицательном отношении к нему английского общественного мнения. Далее, ссылаясь на то, что оба они — Чемберлен и Гитлер — сходятся-де в мнении о необходимости сохранения европейского мира, а чехословацкое правительство и теперь не отказывается передать Германии Судетскую область, Чемберлен предлагал урегулировать вопрос о методах передачи области путём двусторонних германо-чехословацких переговоров в присутствии английского наблюдателя.

Этим предложением Чемберлен сделал Гитлеру капитальную уступку, которая имела очень важные политические последствия. Он признал точку зрения Гитлера и германской пропаганды о том, что между берхтесгаденскими и годесбергскими требованиями якобы нет различия по существу и что между чехословацким принципиальным согласием уступить Судетскую область и германским требованием немедленно её уступить в указанных Германией рамках и без всяких условий имеется расхождение не по существу, а только по вопросу о процедуре передачи территории. Сделав эту уступку и солидаризовавшись с Гитлером в этом вопросе, Чемберлен в дальнейшем представил дело в таком виде, что весь конфликт, грозящий европейской войной, сводится якобы к формальным и нестоящим разногласиям. Оставалось убедить в этом общественное мнение Англии, которое придерживалось на этот счёт противоположной точки зрения, о чём свидетельствовали высказывания печати всех направлений и заявления крупных политических и государственных деятелей.

26 сентября, в день отправления Хораса Вильсона с письмом к Гитлеру, лидер лейбористской партии Эттли обратился к Чемберлену с письмом, в котором он, между

прочим, писал: «Текст меморандума Гитлера, по моему мнению, вызвал глубокое возмущение в британском общественном мнении. Чехословацкое правительство ничего другого не может сделать, как отклонить подобные требования, принятие которых означало бы уничтожение чехословацкого государства. Хочу вам напомнить, что три руководящих органа лейбористского движения приняли 8 сентября резолюцию, в которой говорится, что британское правительство не должно оставить германское правительство в сомнении относительно того, что оно объединит свои усилия с французским и советским русским правительством для совместного выступления против любого нападения на Чехословакию. Лейбористское движение требует, чтобы британское правительство следовало этой политической линии, и питает уверенность, что подобная политика будет поддержана британским народом»².

Ллойд-Джордж в тот же день заявил в печати, что Англия допустила в июле 1914 г. ошибку, не предупредив Германию, что она выступит со всеми своими силами против неё, если Германия нападёт на Бельгию. Обращаясь к правительству, Ллойд-Джордж сказал: «Не повторяйте этой трагической ошибки»³.

Ещё более определённо выступал Черчилль, призывая правительство занять твёрдую позицию по отношению к Германии. В опубликованном им 26 сентября, утром, заявлении говорилось: «Британское, французское и советское русское правительства должны передать германскому имперскому правительству либо совместно либо одновременно ноту, содержащую торжественное предупреждение, что вторжение в Чехословакию в нынешней обстановке будет рассматриваться как военное действие против этих держав»⁴.

Резко отрицательно отнеслось к германским требованиям и американское общественное мнение, всячески выражая свои симпатии чехословацкому народу и явное недоверие к уступчивой политике Чемберлена.

Чемберлен решил прикрыть свою «примиренческую» деятельность решительным жестом. 26 сентября, вечером, в Лондоне было опубликовано следующее правительственное сообщение: «В официальных кругах заявляют, что в течение последней недели господин Чемберлен прилагал усилия найти с имперским канцлером метод мирного урегулирования чехословацкого вопроса. Ещё можно этого достигнуть путём переговоров. Германское требование передачи судетских районов уже было удовлетворено французским, британским и чехословацким правительствами. Однако если вопреки всем усилиям английского премьер-министра Чехословакия делается предметом германского нападения, то непосредственным результатом этого явится то, что Франция вынуждена будет придти ей на помощь, а Великобритания

² «Manchester Guardian» N. 28711, September 27 1938, p. 12.

³ «Prager Presse», 28 September 1938.

⁴ «Prager Presse», 27 September 1938.

¹ «Prager Presse», 29 September 1938.

тания и Россия будут, конечно, на стороне Франции. Ещё не поздно положить конец этой великой трагедии и для того, чтобы все народы выступили в пользу урегулирования вопроса путём добровольных и свободных переговоров»¹.

Решительных действий требовали от английского и французского правительств все демократические элементы, а также печать обеих стран. Со всех сторон поступали требования организовать отпор странам «оси» Берлин—Рим и прекратить политику пособничества Гитлеру. Если бы лондонское и парижское правительства с самого начала действовали решительно, то Чехословакия была бы спасена. Советское правительство неоднократно заявляло чехословацкому и французскому правительствам дипломатическим путём и, как показано выше, публично, что оно без колебаний придёт им на помощь, если Франция выполнит свои обязательства по отношению к Чехословакии, как это предусмотрено в протоколе к советско-чехословацкому договору о взаимопомощи 1935 года.

Однако опубликование лондонского коммюнике, в котором эти требования частично получили своё отражение, лишь на очень короткое время ободрило противников политики «умиротворения». Лондонское коммюнике оказалось величайшим обманом, предназначенным для успокоения и введения в заблуждение английского и мирового общественного мнения. Оно преследовало определённые цели: притупить бдительность общественного мнения и тем временем дать возможность Чемберлену и Даладье договориться с Гитлером и Муссолини о «безболезненной» выдаче «связанной по рукам и ногам Чехословакии» её палачу. Лондонское коммюнике должно было прикрыть противоречивые с виду маневры Чемберлена и Даладье 26—28 сентября, выразившиеся в послышке Хораса Вильсона в Берлин с письмом к Гитлеру, в мобилизации английского флота и усилении противовоздушной обороны, в раздаче населению противогазов с целью создать впечатление о неизбежности войны, в переговорах с Муссолини и предложении созыва конференции без участия СССР для урегулирования вопроса о передаче Германии Судетской области.

26 сентября, ещё до известного выступления Гитлера по радио, к нему обратился Франклин Рузвельт с личным посланием, в котором заклинал Гитлера во имя разума и гуманности согласиться на мирное разрешение конфликта. Бойна, писал Рузвельт, приведёт к катастрофе весь цивилизованный мир. «Лучше заключить мир до, чем после войны», — писал Рузвельт. Он обращал внимание Гитлера на то, что Германия, как и другие государства, подписала договор Бриана—Келлога, запрещающий прибегать к насилию при разрешении межгосударственных конфликтов.

«Фюрер» получил письмо Чемберлена и послание Рузвельта за несколько часов до своего выступления в Спортпаласе, но они не оказали на него никакого влияния. Он в течение часа кривлялся, паясничал перед тысячами гаулейтеров, штурмовиков и национал-социалистских извергов и головорезов, собранных со всех концов Германии в берлинском Спортпаласе.

Речь Гитлера, в которой он превозносил своё «миролюбие» и «терпение» и угрожал войной Чехословакии, показала, что он в будущем намерен использовать польские и венгерские меньшинства, а также словацкий вопрос в качестве предлога для уничтожения Чехословакии, как он до сих пор использовал немецкий вопрос для её расчленения.

В письме Чемберлену от 27 сентября Гитлер отвергал непосредственные переговоры с Чехословакией, ссылаясь на недоверие к чехословацкому правительству и на то, что переговоры с ним затянут кризис.

В тот же день Гитлер ответил Рузвельту на его послание длинным и блудливым телеграфным письмом на тему о послевоенном развитии Европы. Письмо это — нагромождение исторических выдумок и новых клеветнических утверждений по адресу Чехословакии. Отклонение Бенешем готесбергского меморандума, по словам Гитлера, исчерпало все возможности мирного разрешения вопроса, за что Гитлер возлагал ответственность на Чехословакию².

Вслед за этим германское правительство заявило, что оно будет ждать до 14 часов 28 сентября. Если к этому моменту Чехословакия не покорится, то Германия объявит мобилизацию, за которой последует насильственное вторжение в пределы Чехословакии, так как, по традиции германского генерального штаба, мобилизация равносильна объявлению войны. Гитлер хорошо знал, что ни Франция, ни Англия не придут на помощь Чехословакии. Когда война казалась уже неотвратимой, Чемберлен выступил 27 сентября с речью по радио к английскому народу, в которой он, между прочим, заявил: «Как это ужасно, фантастически и невероятно, что мы здесь должны рыть окопы и надевать противогазы, потому что в отдалённой от нас стране возник конфликт между людьми, о которых мы ничего не знаем!» Чемберлен, далее, заявил, что невероятно, чтобы возникла война из-за конфликта, который в принципе уже разрешён, но он не потерял ещё надежды спасти мир, что он готов полететь третий раз к Гитлеру, лишь бы это только принесло пользу. Говоря о военных мероприятиях английского правительства, Чемберлен пояснил, что они вовсе не означают, что Англия решила воевать или же что война уже сейчас неизбежна: «Как ни велики наши симпатии к маленькому народу, противостоящему великому и могущественному соседу, мы всё же не можем одни ради него втянуть при всех обстоятельствах в войну всю нашу империю. Если нам нужно будет

¹ «Manchester Guardian N. 28711, September 27 1938, p. 9; «Temps» N. 28140, le 28 septembre 1938.

² «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938. Dokumente, S. 985—988.

воевать, то ради более крупного, чем это, дела»¹. Эта оговорка не оставляла сомнений в том, что Чехословакия обречена. И всё же 27 сентября весь мир находился в ожидании взрыва мировой войны — настолько была накалена атмосфера.

28 сентября правительство США обратилось к советскому правительству с просьбой, чтобы советское правительство обратило внимание Германии и Чехословакии на «чрезвычайную важность отказа от применения силы при урегулировании между ними конфликта». Такое обращение, по мнению Рузвельта, могло бы оказать влияние на сохранение мира. Заместитель народного комиссара иностранных дел В. П. Потёмкин в тот же день дал положительный ответ от имени советского правительства, в котором, между прочим, говорилось: «В настоящее время в Центральной Европе развёртываются события, грозящие перерасти в новую мировую войну. В этот ответственный момент правительство СССР не может не оценить выступления президента США с призывом к мирному разрешению возникшего конфликта. Правительство СССР сочувственно принимает обращённое к нему предложение правительства США оказать содействие предупреждению войны и мирному разрешению кризиса. Констатируя наличие препятствий для англо-французского посредничества между Чехословацкой республикой и Германией, несмотря на проявленную Чехословакией готовность принести в жертву свои жизненные интересы во имя общего мира, правительство СССР наиболее эффективное средство для предупреждения новой мировой войны видит в немедленном созыве международной конференции». Указав в заключение на предложение советского правительства в марте создать международную конференцию с целью изыскания практических мер для противодействия агрессии и «предупреждения дальнейших и опаснейших международных осложнений», оно выразило готовность «и в настоящий момент поддерживать выдвигаемое правительством США предложение о созыве международной конференции и принять в последней активное участие»².

Отказавшись в самом начале идти по этому пути, Чемберлен и Даладье пошли своим путём. Что же происходило в это время за кулисами большой политики? Беспристрастные документы изображают события между 28 и 29 сентября таким образом: нагнав смертельный страх на общественное мнение Англии и Франции угрозами, что обе страны могут быть втянуты в войну за чуждые им интересы, Чемберлен в Лондоне, а Даладье и Боннэ в Париже прилагали последние усилия к «умиротворению» Гитлера. Чемберлен нашёл в ответном письме Гитлера лишь ему одному казавшееся отступление от годесбергского меморандума и сделал вид, что поверил каждому его слову о гарантии целостности Чехословакии. Он притворился, будто нашёл, что и речь и письмо «фюрера»

не закрывают путей для дальнейших переговоров, и поэтому решил сделать ещё одну попытку сговориться с ним. Даладье был одного мнения с Чемберленом и действовал в том же направлении.

Французское правительство поручило 27 сентября, ночью, своему послу Франсуа Понсэ получить аудиенцию у Гитлера и одновременно своему послу в Лондоне Корбену — добиться у Галифакса, чтобы тот поручил английскому послу в Риме лорду Перту просить Муссолини поддержать идею созыва конференции. 28 сентября, в 11 часов 15 минут, Гитлер принял Франсуа Понсэ, который сделал ему предложение от имени французского правительства созвать конференцию четырёх премьеров для безотлагательного и окончательного разрешения конфликта мирным путём. Гитлер не отклонил, но и не принял предложения и обещал дать письменный ответ»³.

Тем временем Чемберлен 28 сентября, утром, обратился с личными посланиями к Гитлеру и Муссолини. Английский премьер-министр писал Гитлеру: «После прочтения вашего письма я уверен, что вы можете безотлагательно получить всё существенное без войны. Я готов немедленно прибыть в Берлин и обсудить с вами и представителями чехословацкого правительства, а если вы того захотите, то совместно с представителями Франции и Италии, процедуру передачи Судетской области». Чемберлен выражал уверенность, что всё это можно будет сделать в течение одной недели. Учитывая, что Гитлер не доверяет чехословацкому правительству, Чемберлен от имени Англии и Франции дал гарантии в том, что Чехословакия в точности выполнит в срок принятые на конференции решения»⁴.

В послании к Муссолини Чемберлен информировал его о сделанном Гитлеру предложении и просил его поддержки⁵. Получив послание Чемберлена, Муссолини тотчас лично поручил итальянскому послу в Берлине Аттолико немедленно отправиться к Гитлеру и заявить ему, что он, Муссолини, при всех обстоятельствах будет действовать совместно с ним, но вместе с тем он предлагает отсрочить начало военных операций на 24 часа, с тем чтобы попытаться найти средства и пути для мирного разрешения проблемы⁶. Для всякого было ясно, что главный смысл ответа заключается в первой части фразы, а просьба об отсрочке на 24 часа военных операций не имела никакого значения, кроме демагогического жеста миролюбия.

Английский посол в Италии Перт вторично явился к Чиано и от имени своего правительства предложил созвать конференцию представителей четырёх держав — Германии, Италии, Англии и Франции. Перт просил,

³ «Temps» N. 28147, le 5 octobre 1938.

⁴ «Miscellaneous» N. 8, 1938. Further Documents Respecting Czechoslovakia Including the Agreement Concluded at Munich on September 29, 1938. Cmd. 5848. N. 1, 1938, p. 2. London.

⁵ Ibidem, N. 2, p. 3.

⁶ «Monatshefte für auswärtige Politik», Januar 1939. Dokumente, S. 49—50.

¹ «Manchester Guardian» N. 28712, September 28 1938, p. 9.

² «Известия» от 29 сентября 1938 года.

чтобы итальянское правительство поддержало это предложение перед Гитлером.

28 сентября, в 15 часов, Аттолико сообщил Муссолини, что Фюрер принял его предложение, однако при условии, что дуче «как единственный гарант успеха», будет участвовать в конференции. Что касается места конференции, то Гитлер предложил на выбор Мюнхен или Франкфурт на Майне. Муссолини согласился принять участие в конференции, которая была назначена на 29 сентября, в 11 часов, в Мюнхене, но без участия Чехословакии.

После этого Гитлер разослал всем участникам конференции приглашение и 28 сентября опубликовал коммюнике, в котором говорилось: «Фюрер пригласил на совещание (Aussprache) итальянского главу правительства Бенито Муссолини, английского премьер-министра Невилла Чемберлена, как и французского премьер-министра Даладье. Государственные деятели приняли приглашение. Совещание состоится в Мюнхене 29 сентября до полудня».

Упросив Гитлера созвать конференцию четырёх держав с целью оформления в международном акте разбойничьей агрессии, Чемберлен созвал во второй половине дня 28 сентября чрезвычайную сессию палаты общин, на которой сделал доклад об истории развития судетского кризиса. Чемберлен заявил, что мир находится в таком же положении, в каком он находился в июле 1914 года. Английское правительство оказалось в большом затруднении: «Во-первых, мы могли бы угрожать Германии войной, если она нападёт на Чехословакию; во-вторых, мы могли бы остаться в стороне и предоставить событиям развиваться по-своему; мы могли, наконец, попытаться найти мирное разрешение путём посредничества». Добиваясь соглашения, сказал далее Чемберлен, «мы приняли решение, в пользу третьего образа действий — посредничества».

Чемберлен изложил все перипетии развития кризиса, подчёркивая возможность войны якобы из-за пустых, формальных причин¹.

Чемберлен полетел в третий раз в течение двух недель к Гитлеру. В тот же день, 28 сентября, в 18 часов, выехал в Мюнхен Муссолини. Он был встречен Гитлером в Куфштейне, и в поезде рейхсканцлера оба диктатора, обсудив всеобщее положение и степень подготовки обеих стран к войне, решили добиться быстрого решения. С этой целью между ними был согласован проект предложений, которые должны были быть переданы Чемберлену и Даладье, уже ожидавшим их в Мюнхене².

Таким образом, документ, получивший через сутки название мюнхенского соглашения, был выработан в поезде Гитлера на пути из Куфштейна в Мюнхен, а Чемберлен и Даладье потрудились только поставить под ним свои подписи.

По мюнхенскому соглашению, подписан-

ному в ночь на 30 сентября Чемберленом, Гитлером, Даладье и Муссолини, Судетская область в предложенных Гитлером границах отрывалась от Чехословакии и передавалась Германии в десятидневный срок. «Каждый из участников настоящего соглашения, — говорилось в его вводной части, — объявляет себя ответственным за проведение необходимых мероприятий для его выполнения».

Великобритания, Франция и Италия гарантировали, что при эвакуации Судетской области Чехословакия оставит неприкосновенными все военные сооружения, промышленные постройки, живой и мёртвый инвентарь, находящиеся на её территории. Подробности эвакуации должна была установить международная комиссия из представителей Англии, Франции, Германии, Италии и Чехословакии. Четыре зоны, точно определённые на приложенной к мюнхенскому соглашению карте, с преобладающим немецким населением должны были быть заняты германскими войсками до 7 октября. Остальные районы (зона V) должна была «определить упомянутая выше международная комиссия. Эти районы подлежат занятию германскими войсками не позже 10 октября. Эта же комиссия должна была установить окончательные границы Чехословакии».

Кроме того, правительства четырёх стран обязали Чехословакию удовлетворить в течение трёх месяцев польские и венгерские территориальные требования³.

Объединённому фронту четырёх могущественных держав Чехословакия сопротивляться не могла. Это была капитуляция реакционных клик двух демократических государств перед фашистской Германией, капитуляция, явившаяся результатом долголетней политики поощрения германской агрессии.

Для оправдания этой политики перед народными массами, которые требовали отпора фашистской Германии, парижские и лондонские «умиротворители» пустили в оборот лживую легенду о «слабости» советской авиации и о наличии якобы колебаний у советского правительства в вопросе о предоставлении помощи Чехословакии. Так как эта ложь не была убедительна, то из официального французского источника было распространено сообщение, будто советское правительство информировано французским и английским правительствами о ходе переговоров с Гитлером, что оно якобы уполномочило Даладье выступить в Мюнхене от его имени и поэтому пакт четырёх является, по сути дела, пактом пяти. Советское правительство немедленно опровергло эту и другие злостные выдумки, имевшие целью поссорить чехословацкий народ с советским народом. В опровержении ТАСС было указано, что с советским правительством не консультировались, что оно не давало никаких полномочий Даладье и поэтому «не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к её решениям»⁴. Так как

¹ «Manchester Guardian» N. 28713, September 29, 1938, p. 4—5.

² «Monatshefte für auswärtige Politik», Januar 1939. Dokumente, S. 49—50.

³ «Temps» N 28143, le 1 octobre 1938; The White Paper, Further Documents Respecting Czechoslovakia, Cmd. 5848 N. 4, 1938, p. 3—6.

⁴ «Известия» от 2 октября 1938 года.

лжцы не унимались, то советское правительство поместило 4 октября второе опровержение вздорных и антисоветских слухов¹.

После отъезда Муссолини и Даладьё из Мюнхена 30 сентября состоялась ещё одна встреча между Чемберленом и Гитлером. В результате этой встречи ими была подписана декларация, в которой признавалось, что англо-германские отношения являются вопросом первостепенной важности для обеих стран и Европы в целом; что англо-германское морское соглашение 1935 г. и декларация представляют собой символ «желания обоих народов никогда не воевать друг против друга». Заключительная часть декларации выражала пожелание, чтобы впредь все вопросы, имеющие отношение к Германии и Англии, разрешались путём консультации и чтобы оба государства «этим путём способствовали укреплению мира в Европе»².

Декларация, таким образом, заявляла претензии на совместное англо-германское руководство судьбами Европы, но она не накладывала никаких ограничений на оба правительства в случае возникновения нового конфликта. Подписывая англо-германскую декларацию, о которой Даладьё понятия не имел, Гитлер намеревался вбить клин в англо-французскую дружбу. Когда этот документ был опубликован, он вызвал большие опасения за дальнейшую судьбу англо-французского союза.

Мюнхенское соглашение и англо-германская декларация вызвали всеобщий восторг у английских и французских капиталистов «умиротворителей», противников, политики коллективной безопасности и участия Советского Союза в разрешении крупных европейских вопросов. Мюнхенское соглашение означало признание Англией и Францией господства фашистской Германии в Центральной и Восточной Европе, поощрение её агрессии против СССР с целью расширения немецкого «жизненного пространства» и уничтожения советского государства.

Реакционные круги английского и французского финансового капитала, представителями которых являлись Чемберлен, Саймон, Хорр, Даладьё и Бонне, охотно толкали гитлеровскую Германию на поход против СССР, обещая ей «нейтралитет» западных демократических государств, политическую и экономическую помощь в надежде, что Германия надолго завязнет в восточных делах и будет нуждаться в мире на Западе. Эти круги полагали, что Мюнхен им даст длительное спокойствие и избавит их от ненавистного им Советского Союза. Защищаясь от упреков в том, что английское правительство согласилось на мюнхенскую конференцию без участия в ней СССР, Галифакс ответил, что Чемберлен полетел в Мюнхен для укрепления мира, но не для развязывания войны, и что Гитлер отказывался сидеть за одним столом с советским представителем, поэтому английское прави-

тельство не могло настаивать на приглашении советского правительства³.

Реакционная «Sunday Times» открыто выражала 2 октября 1938 г. свою радость по поводу антисоветского острия мюнхенской политики. Для изоляции СССР газета требовала расторжения франко-советского договора о взаимопомощи. «Наиболее примечательным в мюнхенском соглашении, — писал в этой газете Скрутейтор, — является то, что оно полностью игнорирует Россию. Но какие плоды может принести это соглашение, если Франция остаётся связанной с советским правительством, которое Германия решила исключить от всяких консультаций, касающихся будущего того, что осталось от некогда существовавшей Австро-Венгерской империи?»

Антисоветское острие мюнхенского соглашения даже не считали нужным скрывать. Об этом писали вся немецкая фашистская печать, все реакционные органы французской и английской печати, об этом говорил в завуалированной форме сам Чемберлен. «Я хочу вам сказать, — заявил Чемберлен толпе, встречавшей его 30 сентября на аэродроме, — что урегулирование чехословацкой проблемы является для меня лишь прелюдией к более широкому урегулированию вопросов, которое обеспечит мир Европе»⁴. Поскольку и Чемберлен не собирался уступать и пяди колоний Германии, а этого не собирался делать и Даладьё, то колониальный и другие вопросы могли быть решены за счёт СССР. Последующая деятельность правительства Чемберлена и после мюнхенская политика Гитлера в Центральной и Восточной Европе являются яркой иллюстрацией к истинному значению мюнхенского сговора реакционных сил Европы.

После расчленения единственной демократической страны в Центральной Европе все участники этого международного преступления, так же как и причастные к нему, были довольны и считали себя «победителями». Чемберлен и Даладьё долго ещё продолжали получать поздравления и адреса, ценные подарки и всякие иные знаки благодарности от капитулянтов за якобы спасённый ими мир. Реакционные поклонники называли их «спасителями» мира и требовали присуждения им нобелевской премии мира. Однако очень быстро настала пора тяжёлого похмелья. Мюнхенская капитуляция оставила у всех, кто не был ослеплён в Англии и Франции, горькое сознание, что их страны потерпели позорное политическое и дипломатическое поражение, что две демократические державы, передав своего верного союзника связанным по рукам и ногам в руки фашистского насильника, ценой измены купили себе позорный временный мир, усилив Германию для предстоящей агрессии.

Но в первые недели после Мюнхена такие голоса ещё заглушались шумным хором мюнхенской прессы, превозносившей «блага» мюнхенского «мира». Реакционные круги в обеих демократических странах заявляли, что в Мюнхене не было побеждённых, что

¹ См. «Известия» от 4 октября 1938 года.

² «Temps» N. 28143, le 1 octobre 1938.

³ «Temp» N. 28144, le 2 octobre 1938.

⁴ «Temps» N. 28147, le 5 octobre 1938.

все участники конференции вернулись домой «победителями». Не только Германия и Италия, утверждали мюнхенцы, но и Англия и Франция выиграли в Мюнхене. Англия оказалась в «выигрыше», потому что она не хотела быть втянутой в войну из-за Чехословакии. Купленный в Мюнхене мир, говорили они, позволит ей усилить воздушную оборону и лучше подготовиться к будущим схваткам. Франция выиграла в Мюнхене, радостно заявляли французские реакционеры, потому, что мюнхенская капитуляция привела к разрыву народного фронта во Франции, к краху Лиги наций и избавлению от Бенеша и версальской Чехословакии, которая, по их мнению, занимала непропорционально большое место в Лиге наций и в европейской политике, и к фактическому аннулированию франко-советского договора о взаимопомощи¹.

Чемберлен располагал подавляющим большинством в палате общин, но страна не одобряла его капитулянтской политики. Ряд видных парламентариев и государственных деятелей резко осуждал мюнхенскую капитуляцию.

Оппозиция мюнхенцам в Англии возглавляли: Черчилль, Иден, Дафф Купер — среди консерваторов; Эттли, Гринвуд и Мориссон — у лейбористов; Синклер и Ллойд Джордж — у либералов. В происходивших в начале октября и в начале ноября бурных прениях в английской палате общин оппозиция резко критиковала капитулянтскую политику Чемберлена и требовала установления дружественных отношений с Советским Союзом и объединения усилий всех миролюбивых держав для сопротивления фашистским агрессорам.

В происходивших 4 октября прениях по вопросам внешней политики во французской палате депутатов все буржуазные и социалистические партии одобрили мюнхенскую политику Даладье и Бонне. Только коммунистическая фракция (73 депутата), независимый правый республиканец де Кериллис критиковали политическую линию правительства и голосовали против выражения ему доверия.

Реакционные круги английской и французской буржуазии мюнхенской капитуляцией хотели купить себе некоторую видимость покоя, но они добились обратного: Мюнхен ухудшил политическое и военное положение Франции и Англии и ещё больше разжёл аппетиты Гитлера. Нацисты истолковали мюнхенскую капитуляцию как слабость противника и предоставление Германии полной свободы распоряжаться по своему усмотрению в Центральной и Восточной Европе. Поведение английского и французского правительств на второй день после Мюнхена давало Гитлеру основание к такому толкованию соглашения. Они ничего не предприняли для предотвращения угрозы нападения Польши на Чехословакию, чем вынудили её уступить насилью и передать

Польше Тешинскую промышленную область; они поддерживали все германские требования при проведении новой границы с Чехословакией, в результате чего Германия получила гораздо больше, чем Гитлер требовал в Годесберге и Мюнхене; они совершенно устранились от участия в урегулировании чехословацко-венгерских территориальных споров.

В оставленной своими западными союзниками и друзьями Чехословакии чешские реакционные элементы и словацкие фашисты, поддерживаемые извне, сделались хозяевами положения. 5 октября Бенеш вынужден был выйти в отставку и покинуть страну с твёрдым намерением бороться за благо своего народа за её пределами и всюду, где позволят обстоятельства. Новое правительство генерала Сыроны, которое оставалось у власти до избрания в конце ноября нового президента республики — Гаха, — поставило перед собой задачу приспособления внутренней, внешней, социальной и экономической политики к идеологии и потребностям Германии. Все сторонники Бенеша были удалены из правительства. Словакия и Карпатская Украина при помощи Гитлера отделились от Чехословакии, образовали свои отдельные правительства в Братиславе и Ужгороде и под флагом «автономии» стали засадами Гитлера. В центральном пражском правительстве играл первую роль доверенный Гитлера и Муссолини министр иностранных дел Хвалковский. Чехословакия постепенно фашизировалась. Коммунистическая партия была распущена. Реакционные элементы аграрной партии управляли страной по директивам из Берлина до её аннексии. В Чехословакии были введены антисемитские законы, а немецкое меньшинство получило право иметь свои особые, как в фашистской Германии, организации, которые подчинялись Берлину и оттуда управлялись. Немцы в Чехословакии получили назначенных в Берлине местных «фюреров», которые на правах министров входили в автономные правительства.

Проводя политику «примирения», английский и французское правительства сейчас же после Мюнхена признали захват Абиссинии и назначили послов при итальянском короле (он же «абиссинский император»). На вакантный в продолжение полутора лет пост французского посла в Италии был назначен посол в Берлине Франсуа Понсэ. Английский парламент, который отказывался ратифицировать англо-итальянское соглашение до тех пор, пока Италия не выведет своих «добровольцев» из Испании, ратифицировал его, по предложению Чемберлена, в начале ноября вопреки протестам всей оппозиции. Гражданская война в Испании была этим окончательно решена в пользу Франко.

Мюнхенское соглашение ослабило политическое и стратегическое положение Англии и Франции в Центральной Европе и в Средиземном море, развязало державам «оси» руки и ускорило развязывание Германской второй мировой войны.

¹ Comte de Fels. Les gagnants de Munich. «Revue de Paris», le 15 novembre 1938,